Проект Коловрат

НОВЫЙ ТЕХНО-ТРИЛЛЕР

АБСОЛЮТНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Когда древние руны пробуждают квантовый хаос…

18+

Филипп Ольховский

Филипп Ольховский

Проект Коловрат

«Автор»
2026

Ольховский Ф.

Проект Коловрат / Ф. Ольховский — «Автор», 2026

Неожиданно наследство деда, и знакомство в закрытом чате с гениальным хакером запустила тайную разработку КГБ и нарушило планы мировых лидеров с запуском программы «Бессмертие».Гремучая смесь старых и новых технологий активировали процесс перезагрузки цивилизации на планете земля.

© Ольховский Ф., 2026
© Автор, 2026

Филипп Ольховский
Проект Коловрат

Глава 1

ПРОЛОГ

Сентябрь 2028 года. Женева.

Большой адронный коллайдер проработал всего девять дней и девятнадцатого сентября, через полторы минуты после очередного запуска, в стыке сверхпроводящих магнитов случился электрический пробой. Испарилось шесть тонн жидкого гелия. Многотонные магниты сорвало с опор и разметало в разные стороны, как капризный ребёнок разбрасывает кубики. Официальная комиссия всему миру пустила пыль в глаза и заявила, что причиной стал несущественный дефект электрического соединения.

В это же время, на другом конце планеты, в секретном кабинете без окон, на двадцать восьмом этаже, в офисе компании «Хуанхэ Дайнемикс», Чэнь Вэймин дочитал сводку от своих европейских агентов, отложил телефон и какое-то время смотрел в белую стену. Взял карандаш и аккуратно поставил галочку напротив одной записи в бумажном блокноте. Все его расчёты оправдались. Но в блокноте существовала ещё одна таинственная запись. О проекте, суть которого он и сам не до конца понимал. Именно её он боялся больше всего.

А в это время, на шесть тысяч километров севернее от этого кабинета, в промзоне Академгородка, под слоем бетона, после аварии на Большом адроном коллайдере, нечто, пролежавшее в идеальной тишине более тридцати лет, изменило свою частоту.

И изменения этого резонанса, исходившего из-под земли, не заметил никто. А зря.

КОГДА ЗАГОВОРИЛ КАМЕНЬ

Октябрь 1974 года. Карелия.

Руководителем экспедиции от Академии наук СССР по изучению «пережитков дохристианских верований у финно-угорских народов» был физик-теоретик, доктор наук, специалист по квантовой механике, профессор Виктор Савельев. Сам по себе факт присутствия учёного из области науки, совершенно не связанной с историей, выглядел нелепо.

Его рабочее место в лабораториях кафедры института прикладной физики, или у доски, среди формул, которые необходимо доказать. Но никак не на раскопках. Для всей мировой общественности, официальная формулировка экспедиции звучала сухо и безопасно, как и всё, что было придумано и контролировалось из кабинетов на Лубянке.

Учёный, которому на тот момент было пятьдесят два года, стоял на берегу и вглядывался в серую воду болота, из которого студенты извлекали артефакты древнего культового капища языческого божества.

Июль 1974 г. Москва.

Свой первый раз Савельев оказался на Лубянке в июле этого же года.

Его без объяснения причин, посреди лекций, вызвали из института. У подъезда ждала чёрная «Волга». Когда он вышел с кафедры, водитель открыл заднюю дверцу и строго сказал: «Вас ждут». На заднем сиденье лежала обычная, тонкая картонная папка с одной-единственной фотографией тёмно-серой плиты, покрытой графическими знаками. На обороте стоял ярко-красный штамп: «Совершенно секретно» и дата месячной давности.

В здание комитета государственной безопасности его провели без всякой бюрократии и лишних проверок.

Дверь кабинета, к которому его провели, открылась изнутри ровно в тот момент, когда профессор протянул руку к массивной бронзовой ручке.

За тяжёлым дубовым столом сидел человек, меньше всего похожий на полковника КГБ. Худой, сутулый, в мешковатом сером пиджаке, он напоминал скорее завхоза из провинциального НИИ или бухгалтера, которого жизнь приучила не высовываться. Его редкие волосы были зачёсаны набок. Очки в недорогой, тонкой металлической оправе сидели на самом кончике носа. На столе стоял стакан с недопитым чаем, и лежала стопка бумаг, подшитых суровой ниткой.

Савельев решил, что его по ошибке привели не в тот кабинет. Но когда заметил уверенный взгляд хозяина кабинета, как у участкового врача, который уже давно поставил свой диагноз и просто ждёт, когда пациент сам назовёт нужные симптомы.

— Садитесь, Виктор Андреевич, — кивнул на стул напротив Нечаев. — У нас мало времени, а поговорить нужно о многом.

Голос был тихий и вежливый. Такой же обманчивый, как и весь его облик.

Помимо всего прочего, на столе лежала плоская, тёмно-серая, размером с книжный разворот каменная плита, которую Савельев уже видел на фотографии.

По всей поверхности, из самой толщи минерала, проступали золотистые черты и резы, словно рождённый внутри узор на срезе агата. Только у агата узор хаотичен, а здесь же чётко просматривались: неизвестные письмена обрамляющие спираль, расходящиеся лучи и фигуру похожую на восьмёрку, перечёркнутую вертикальной линией. Все эти узоры будто вдавлены в ещё не застывшую породу, как цветная печать в мягкий воск. Хотя порода являлась плотной монолитной окаменелой структурой.

— Что это? — спросил Савельев.

— Вы знаете. Мне бы очень хотелось получить ответ на этот вопрос от вас. По оценкам геологов, этой плите не менее двух тысяч лет. Её нашли в Вологодской области, при прокладке дренажной канавы, на глубине около четырёх метров, — вместо прямого ответа сказал Нечаев.

Пальцы профессора сами собой потянулись к инкрустированной поверхности плиты.

— А кто-то уже изучал эту находку?

— А как же. Всё честь по чести. Геологи и археологи внимательно ознакомились с предметом и дали своё заключение по возрасту артефакта, но никто не смог объяснить технологию нанесения рисунка.

Савельев, по старой привычке, машинально сунул руку в нагрудный карман пиджака. Пальцы нащупали складную лупу, которую он таскал с собой со времён аспирантуры. Вытащил, раскрыл, наклонился над плитой и вгляделся в ближайшую спираль.

Борозды были гладкими, как полированное стекло. На самом конце витка, где линии сходились в точки, борозды уходили вглубь, будто плита проросла этими линиями, как тело человека кровеносными сосудами.

Чтобы лучше рассмотреть структуру, Савельев оперся свободной рукой о край плиты. И в тот же миг пальцы ощутили едва уловимую, ритмичную вибрацию, идущую изнутри минерала.

Ощущение было до боли знакомым. Он прекрасно знал эту частоту. Именно Альфа-ритм был в основе его диссертации. И совсем недавно, точно так же отзывался в ладонях корпус экспериментального когерентного усилителя, который ему демонстрировали в закрытом НИИ полтора года назад. Тот прибор работал на грани срыва генерации, выжимая из квантовой системы максимум.

Альфа-ритм. Диапазон, в котором мозг находится в состоянии покоя и максимальной восприимчивости.

Но откуда камню иметь физиологию человеческого сознания? Вибрация казалась живой: плита не просто дрожала, она прощупывала его сознание и подстраивалась под его собственные нейроны.

Савельев резко отдёрнул руку, словно обжёгся. Выпрямился, заученным движением сложил лупу, убирая её в карман, оперся ладонями о край стола, нависая над плитой, и впервые с начала разговора требовательно посмотрел Нечаеву прямо в глаза, ожидая дальнейших инструкций и полной информации.

— С полной уверенностью могу заявить, что это ни в коем случае не предмет украшения, а функциональный элемент какой-то технологичной системы. И если возможно. Я бы хотел пристально, в лабораторных условиях, изучить эту находку. Это возможно?

Нечаев совершенно не удивился реакции учёного, будто ждал именно такого ответа. Он всё учёл заранее, вплоть до того, что на столе не лежало ни одного инструмента. Полковник прекрасно знал, что Савельев придёт со своей лупой.

— Мы догадывались, — вместо ответа на вопрос, по уже сложившейся традиции, сообщил полковник, — что эта вещь не простая, и именно поэтому посовещавшись решили пригласить для решения этой трудной задачи именно вас.

Он открыл папку, внутри которой находилось с десяток фотографий подобных плит с различными знаками и узорами.

— Это не единичная находка, — продолжал Нечаев. — Мы собрали их в различных точках нашей необъятной родины. От Карелии до Камчатки, но не имеем ни малейшего понятия, как они взаимосвязаны.

Савельев смотрел на фотографии и в нанесённых рисунках различал структурированные схемы, которые используются в полупроводниках, принципы, использующиеся в резонансных контурах антенн. Только, неизвестно кем и каким образом, эти узоры оказались запечатлены в камне более двух тысяч лет назад.

— Всё, что мы смогли понять, — продолжил полковник, — так это то, что для решения головоломки нам необходим человек с физико-математическим складом ума. Тот, кто думает в категориях волнового резонанса и квантовых состояний.

— Что вы хотите лично от меня?

— Очень вас прошу, Виктор Андреевич. Поехать в Карелию. Там, по данным местных краеведов, в болотах сохранились остатки древнего языческого капища. В нашем представлении эти плиты лишь часть чего-то более глобального. Передатчик, приёмник, или ключ. Нам крайне необходимо иметь понимание принципа работы этой штуковины. Будьте так любезны, изучите, пожалуйста извлечение предмета с подобным эффектом, на месте, и объясните нам тупым солдафонам, как это работает.

Савельев посмотрел на знаки, проступающие из глубины камня.

— Уважаемый. Извините забыл вас спросить, как вас величают по имени отчеству. Я физик-теоретик, кабинетный учёный, — немного волнуясь сказал он. — Я категорически не согласен лезть в болото. Доставайте, лучше вы привозите все собранные предметы ко мне в институтскую лабораторию.

Нечаев достал из ящика стола тонкую папку и положил перед Савельевым.

— Виктор Андреевич, должность обязывает, я человек практичный. Вы конечно можете отказаться, и мы найдём другого физика. Менее квалифицированного, но более сговорчивого. А вы… — он сделал паузу, — продолжите преподавать, только очень сильно сомневаюсь, что квантовую физику, ну максимум математику, и не в Москве, а где-нибудь под Магаданом. И однозначно не студентам, а заключённым колонии строгого режима. Которые, выйдя с занятия, даже не поймут, что вы их учили.

Савельев конечно же не ожидал такого поворота разговора.

— Или, — продолжил Нечаев, — вы можете добровольно поехать в Карелию и на месте увидеть то, что перевернёт ваше представление о физических законах вселенной. И со временем напишите научные работы, которые войдут во все мировые учебники. Но сразу замечу, что при одном условии: вы, помимо всего прочего, подпишете бумагу о неразглашении информации до завершения работы над проектом. И если хоть слово просочится наружу...

Он не закончил фразу, а просто пристально посмотрел на Савельева.

— Это угроза? — спросил Савельев.

— Что вы? — усмехнулся Нечаев. — Я просто предлагаю вам сделать простой выбор. Между наукой, карьерой, открытием, или полным забвением.

Савельев ещё раз внимательно посмотрел на плиту. Перед ним лежал предмет, который менял его представление о науке. Монолит пролежал в земле более двух тысяч лет, и неизвестный древний гений, не имея современных приборов и понятия о квантовой физике, создал устройство, которое резонирует с человеческим мозгом на уровне неизвестном современной науке. На месте действительно возможно получить информацию о принципе взаимодействия плиты с окружающим пространством. Он понимал, что не может и не хочет отказываться от потребности учёного искать ответы. Перед ним реальная возможность понять принцип взаимодействия древнего артефакта с пространством и разгадать то, перед чем пасует наука.

— Хорошо, — согласился он. — Я поеду. И как вы заметили, совершенно добровольно.

Нечаев коротко кивнул, принимая ответ как должное, и тут же перевёл взгляд на папку с документами. Формальная часть разговора была окончена. И результат предсказуем.

— Я уверен, что вы не пожалеете о своём выборе. И повторюсь. То, что вы увидите в болоте, несомненно, полностью изменит ваше представление о науке.

Октябрь 1974 Карелия

Через три месяца, под низким серым небом, профессор стоял на берегу карельского озера, от которого тянуло холодом, пробирающим даже через куртку с меховой подстёжкой.

Здесь не было стерильной сухости институтской аудитории. От вязкого, влажного, воздуха, насыщенного запахами гниющей хвои и болотного газа, першило в горле.

Но Савельев не спешил возвращаться в столицу. С первого дня, от поверхности болотной воды, он чувствовал резонанс проникающий во все уголки мозга. Приподняв воротник, он наблюдал, как группа студентов, прикладывает большие усилия, извлекая из болота деревянного идола, пролежавшего в иле болота более двух тысяч лет. Дерево почернело, но не сгнило. А на его поверхности проступали те же знаки, что и на каменной плите. Только на идоле они были вырезаны вручную, а в камне рождены в толще минерала.

— Профессор, — окликнул его перепуганный студент. — Вы не поверите. От него идёт какая-то странная вибрация.

Идола расположили на ближайшей поляне. Он лежал на мокрой траве, а воздух над ним слегка дрожал, создавая лёгкое оптическое искажение, похожее на тепловое марево. Савельев присел и положил ладонь на почерневшее дерево.

Мгновенно появилось покалывание в висках, гул от ладони поднялся по предплечью и добрался до черепа, отдаваясь в основании затылка тупой пульсацией.

Восемь-двенадцать герц. Альфа-ритм, который заставил его отдёрнуть руку от каменной плиты на Лубянке.

Совершенно разного происхождения материалы, разделённые тысячами километров, но ощущения резонанса на уровне физического восприятия совпадали полностью.

Савельев крепче сжал пальцы на поверхности идола, и вибрация усилилась, синхронизируясь с его дыханием и электрической активностью коры головного мозга. Он чувствовал работающую древнюю технологию, которая резонировала напрямую с его сознанием.

— Что это может... — начал студент, но осёкся, увидев сосредоточенное лицо профессора.

— Замолчите, — оборвал его Савельев, не открывая глаз, — возвращайтесь в лагерь и не мешайте. Даю всем два дня выходных. Разрешаю прогулку до ближайшего населённого пункта.

Вибрация резонировала с нейронами, и профессор, всю жизнь изучавший природу волнового резонанса в лабораторных условиях, впервые чувствовал, что не он управляет волной, а волна изучает его.

Студенты смотрели на руководителя экспедиции и не понимали.

«Какой близлежащий населённый пункт? Перед экспедицией люди в серых костюмах дали чёткие инструкции о возможных последствиях, если отлучиться от лагеря хотя бы на сто двести метров. И надлежащие документы подписали о неразглашении».

Когда он открыл глаза и посмотрел на ошарашенных студентов, то понял, всё что он изучал до этого, это лишь базовые знания, несравнимые с новыми теоретически возможными открытиями. Настоящая, неизведанная, но фундаментальная физика находится в почерневшем дереве и частоте, которая связывала материю и сознание в единый контур.

Савельев распорядился поставить навес непосредственно над идолом, и два месяца, в полевых условиях, делал замеры, пытаясь понять природу резонанса. Студенты видели, как профессор на их глазах, превращается из кабинетного скептика-теоретика в одержимого процессом учёного-практика. Он спал по три часа, ел механически, а всё остальное время сидел у идола, фиксируя, как древняя частота входит в синхрон с его собственным альфа-ритмом.

1974 декабрь Москва

Когда он вернулся в Москву, в руках у него была папка с результатами исследований. И понимание, что всё увиденное меняет не только его представление о науке, но и саму природу реальности.

Он снова сидел в кабинете на Лубянке. Напротив: Глеб Аркадьевич Нечаев и седой мужчина в роговых очках, которого представили как академика Дмитрия Константиновича Ветрова. Историка, археолога и автора научных трудов по славянскому язычеству. Его книги

формально укладывались в рамки исторического материализма, но по сути были детальной реконструкцией дохристианской Руси как цивилизации со сложной, самобытной духовной культурой.

— Вы смогли разобраться, с чем мы столкнулись? — спросил Нечаев.

Савельев положил перед собой папку с результатами анализов.

— Наши предки закодировали в структуре материала определённую частоту, которую мозг на нейронном уровне воспринимает и входит с ней в резонанс.

Ветров наклонился вперёд.

— Виктор, вы понимаете, что говорите?

— Да. Это как настройка радиоприёмника. Идол очень похож на передатчик. Только вместо радиоволн излучает частоты, которые сознание считывает напрямую.

— Но это невозможно, — Ветров постучал пальцами по столу и негромко заговорил. — У них не могло быть таких технологий. Даже современная наука очень далека от таких возможностей.

— Я понимаю, что у них не было наших технологий, — согласился Савельев. — Но они понимали природу волн, резонанса, связи между материей и сознанием. То, к чему мы только подступаемся. И они создали разветвлённую сеть из того, что было под рукой. Камень, дерево, вода. Им этого оказалось достаточно.

Нечаев посмотрел в окно, где за стеклом шёл мокрый предновогодний снег.

— Виктор, — сказал он наконец. — Мы создаём закрытый проект. Кодовое название: «Коловрат».

Савельев поднял бровь.

— Коловрат?

— Это программа государственного масштаба.

Нечаев откинулся на спинку стула и сложил руки на столе.

— Давайте я вас немного посвящу в суть проекта. Но сначала поинтересуюсь. Вы знаете, что происходит в стране с религией?

— Атеизм, основанный на марксистско-ленинской базе. Как и положено.

— А-те-изм, — по слогам повторил Нечаев. Он взял со стола стакан с остывшим чаем, сделал глоток и поморщился, будто от горечи. — Формально да. А по факту?

Он поставил стакан обратно на блюдце. Тихий звон фарфора разрезал тишину кабинета, заставив Савельева вздрогнуть.

— Знаете, сколько пионеров в прошлом году оказались крещёными? Почти половина. Пока родители сидят на партсобраниях, бабушки водят их в церковь. Многие дети даже не догадываются, что над ними ещё в младенчестве совершили церковный обряд.

Нечаев снял очки в тонкой металлической оправе и начал медленно протирать стёкла краем пиджака. Его движения были неторопливыми, но Савельев чувствовал, как за этим внешним спокойствием скрывается напряжение.

— А партийные работники? — Полковник водрузил очки обратно на переносицу и посмотрел на профессора в упор. — Треть секретарей обкомов в прошлом году лично крестили своих детей. Треть, Виктор Андреевич.

Он наклонился вперёд, опираясь локтями о стол. Стопка бумаг, подшитых суровой ниткой, чуть сдвинулась под его рукой.

— Люди, которые с трибуны говорят о научном атеизме, по субботам стоят в храме со свечкой.

Савельев молчал. Он смотрел на тёмно-серую плиту, лежавшую между ними, и понимал, что разговор давно ушёл от археологии.

Савельев слышал об этом. Многие слышали. Но вслух не говорили.

— Православие мы ещё держим под контролем. Патриархия во главе с Пименом сотрудничает с ЦК КПСС. Но есть и другие, — продолжал Нечаев. — Баптисты, пятидесятники, адвентисты. У них нет единого центра внутри страны. Каждый сам себе патриарх и проповедник. Собираются в гаражах, лесах, на квартирах.

— И что? — Савельев пожал плечами. — Ловите? Сажаете?

— Ловим, — согласился Нечаев. — А на их место приходят новые. В Средней Азии суфийские братства, которых не видит никто, кроме своих. На Кавказе муллы и старейшины, которые управляют целыми селениями. Это не вера, Виктор Андреевич. Это параллельная структура власти.

Савельев внимательно слушал и не перебивал.

— Сеть агентов с ячейками, каналами связи и иерархией, которая не проходит через нас. И самое опасное, что вся эта структура управляется из-за рубежа. Баптисты управляются из Америки. Католики в Прибалтике напрямую подчиняются Польше и Риму. Мусульмане получают инструкции из арабского мира.

— Вы боретесь с религией? — поинтересовался Савельев.

— Нет. Мы боремся с агентами внешнего влияния на умы советских людей, — поправил Нечаев.

— Все эти направления не исчезнут, — тихо добавил Ветров, который до этого молчал. — Пока у людей есть потребность искать веру. Запреты не искоренят эту тягу к вере, а лишь загонят её в подполье.

Нечаев кивнул и посмотрел на Савельева в упор.

— Исходя из вышесказанного, мы ищем альтернативу. Не чужеродную религию. А то, что не имеет монотеистической иерархии и не имеет внешнего центра управления за границей. Необходимо внедрить в народ веру в исконно славянские корни.

Ветров опустил взгляд на раскрытую папку, провёл пальцем по строкам реконструированного текста, будто перечитывая знакомое заклинание, и только потом поднял глаза на Савельева.

— Язычество на Руси было под запретом тысячу лет. С девятьсот восемьдесят восьмого года. Выжигали, вытравливали, загоняли в глушь. В деревнях оно мутировало в двоеверие: ставили в красный угол икону, а за иконой берёзовый веник для домового. Официально христианство. Но в подсознании остались древние обряды, заговоры, шёпоты над водой.

— В академической среде, на фоне тотального атеизма, произошла парадоксальная вещь. Появились попытки интеллектуального возрождения. Не столько как веры, а скорее как светской, исконно русской альтернативы. Для идеологов христианство является византийским влиянием, по сути чужеродная русскому человеку структура. А дохристианская Русь представляется как свободные общинники. Культ земли и предков. Связь с природой, а не с трансцендентным богом, который сидит где-то наверху и требует повиновения.

— Формально это укладывается в атеизм, — согласился Савельев.

— Формально да, — кивнул Ветров. — А фактически даёт людям то, что атеизм дать не может. Ощущение, что ты часть чего-то большего в этом мире.

— Вы хотите создать новую религию? — удивился Савельев.

Ветров покачал головой.

— Не религию. А управляемую, научно обоснованную альтернативу. Посмотрите на Ватикан, он две тысячи лет использует христианство как инструмент контроля. Но нам нужна своя ось.

— Для управления массами, — закончил за него Савельев.

Нечаев пристальнее посмотрел на профессора.

— Нет. Для стабильности. Массы, у которых нет корней, легко радикализуются. Сектанты, мистики, подпольные проповедники — это неконтролируемый хаос. Мы же предлагаем

структуру, основанную на древних знаниях и подкреплённую наукой. Понятную всем и не противоречащую марксизму-ленинизму.

Савельев откинулся на стуле, посмотрел в потолок и перевёл взгляд на Нечаева.

— Допустим. И для этого вам нужен не только идеолог, но и учёный, который построит техническую базу.

Ветров открыл дерматиновую папку и достал доклад.

— Академическая база уже давно есть. Во-первых, мои работы по славянскому язычеству, ещё есть Гумилёв с его теорией пассионарности, а также несколько реконструированных текстов, которые дадут нам мифологический каркас.

Он выдержал паузу. Словно взвешивал, стоит ли говорить следующее.

— Не подумайте ничего плохого. Вот, например, псевдотекст Миролюбова «Велесова книга».

Савельев нахмурился.

— Это же мистификация. Некоторое время изготовление этих дощечек приписывалось А. И. Сулакадзеву. Это делалось на основании упоминания им в «Книгореке» рукописей, писанных на «буковых досках». Это фальшивка, которую разоблачили ещё в шестидесятых.

— Согласен, — кивнул Ветров. — Как исторический документ это чистой воды пустышка. На данный момент ни один серьёзный лингвист не подтвердил подлинность. Но как мифологический текст он очень хорош. Там есть то, чего нам не хватает. Яркие образы, ритм и ощущение священного писания. Сказание о создании мира через яйцо. Генеалогия богов. Кодекс чести общинника. Всё то же самое в христианстве даёт Библия, а у нас в этом плане пока пустота.

Он постучал пальцем по папке.

— Нам по большому счёту не нужен подлинник, а необходим работающий миф. Да, «Велесова книга» не священный текст, но это каркас, на который мы нарастим плоть. Обряды, песнопения, ритуалы. Всё это будет настоящим. А текст доработаем, и это будет лишь точка сборки. То, вокруг чего люди объединятся.

Он посмотрел на Савельева изучающим взглядом.

— Если подойти к вопросу очень серьёзно, то найдутся и лингвисты, которые подтвердят подлинность. Не все и не сразу, но достаточно трёх-четырёх имён с академическим весом и нескольких публикаций в нужных журналах. И через пять лет никто даже не вспомнит про Сулакадзева и Миролюбова. А через десять «Велесова книга» будет цитироваться как канон. Не потому что она подлинная. А потому что людям нужен текст, в который можно верить.

— Не берите лишнего в голову, — коротко добавил Нечаев. — Информирование населения — это наша часть работы. Необходимый текст распространяется и повторяется до тех пор, пока не становится истиной, и мы умеем это делать.

Савельев качнулся на стуле, подался вперёд, опираясь локтями о колени, и сцепил пальцы в замок. Взгляд скользнул по лицам собеседников и остановился на толстой папке с готовой интерпретацией будущего мифа.

— Вы хотите построить веру на заведомой подделке? — не выдержав напряжения, спросил он.

— Я хочу построить веру на заведомой потребности, — поправил Ветров. — Людям не важна подлинность текста. Им важно, что текст говорит то, что они и без того уже чувствуют, но не умеют выразить.

— Ватикан не спрашивал и не спрашивает, — усмехнулся Нечаев, — кто написал Евангелия. Раз текст работает, народ верит, значит, настоящее. Вот на этом и строится культ.

Савельев молчал. Фраза Нечаева была циничной. Но с ней было сложно спорить.

— Поэтому мы берём за основу «Велесову книгу», — продолжил Ветров. — Не священный текст в церковном смысле. А скорее свод образов, архетипов. То, на что можно нанизать

ритуал. Вас это не касается. Ваше направление в проекте, как вы, наверное, правильно догадались, — подготовить техническую базу. То, что превратит миф в инструмент поклонения.

— Не совсем понял. Какое направление? — переспросил Савельев.

— Я предлагаю вам возглавить проект, — улыбнулся Нечаев, — по созданию комплекса резонаторов, способных получить утерянные знания. Или, скорее, сеть резонаторов по всей стране, которые настроят сознание людей на необходимые нам мысли. Мы уже думаем над названием. Что-то простое, неприметное. Чтобы никто не задавал лишних вопросов, и это вписывалось в часть культа.

Савельев задумался и побарабанил пальцами по столу.

— ЛАР. Лаборатория Аномального Резонанса.

— Слишком научно, — покачал головой Ветров. — Лучше немного обыграть. Допустим, «Ларь». Ящик, сундук. Место, где хранятся знания предков.

Нечаев кивнул.

— Ларь. Хорошо. Никто не спросит, что внутри.

Он сложил руки на столе. Голос стал деловитее, ровнее и суше.

— Итак. Подведём итог. Общий проект будет под кодовым названием «Коловрат». Ваше научное направление именуем «Ларь». Это будет его техническое сердце. На данный момент остаётся задача: необходимо понять, как работает древняя структура связи с резонансом природы, и построить аналог. Мы обеспечим финансирование, людей и режим секретности. Вы не задаёте лишних вопросов. Никто не должен знать сути. Ни коллеги. Ни семья.

За окном снег ложился на карниз, провода и серый асфальт двора.

— Хорошо, — сказал наконец Савельев. — Но у меня есть своё условие. Я работаю так, как считаю нужным. Никаких идеологических правок. Только наука.

Нечаев посмотрел на Ветрова. Академик чуть повёл плечами, мол, пусть.

— Договорились, — на удивление легко согласился полковник.

Савельев встал. Взял папку и направился к двери.

— Виктор Андреевич, — окликнул его Нечаев.

Савельев обернулся.

— Не забудьте: вы уже сегодня обязаны подписать бумагу о неразглашении. И с этого момента вы для коллег, соседей и даже собственной жены переходите на полулегальное положение. Уезжаете в длительную командировку.

Савельев молча кивнул и вышел. Дверь закрылась, как только он переступил порог.

Ветров проводил его взглядом и повернулся к Нечаеву.

— Как думаете, он справится?

Нечаев достал из ящика стола папку с личным делом Савельева. И, не раскрывая, убрал обратно.

— Уже справляется. И не может иначе. Он учёный, который увидел то, что не укладывается в его формулы, и он не успокоится, пока не найдёт объяснение. Мы просто дали ему задачу, которую он расшибётся, но решит.

Ветров усмехнулся.

— А если он найдёт объяснение, которое нам не понравится?

Нечаев посмотрел в окно. Снег густел.

— Тогда мы скорректируем направление его мыслей.

После подписания всех бумаг о неразглашении и других документов с грифом «Сов. сек.» Савельев ехал с Лубянки молча. Водитель «Волги» смотрел только в зеркало заднего вида, не задавая вопросов, будто вёз не человека, а груз особого назначения.

Квартира на проспекте Вернадского встретила ароматом приготовленного ужина и детским смехом. Это был его привычный мир, который завтра утром должен стать для него чужим.

Услышав щелчок замка, она обернулась, вытирая руки о полотенце, и улыбка на её лице мгновенно погасла, сменившись тревогой.

— Опять поздно? — спросила она, хотя часы показывали всего семь вечера. — Виктор, ты выглядишь, будто видел привидение.

Савельев поставил портфель в угол. И спрятал руки в карманы пиджака, чтобы она не заметила, как они дрожат.

— Усталость, Лен. Много работы.

Из комнаты выбежал Андрюша, восьми лет, с пластиковым танком в руках.

— Пап! Смотри, я победил немцев! А теперь давай вместе: ты будешь фашистом, а я бойцом Красной Армии?

Савельев посмотрел на горящие глаза сына и на игрушку, которую сам купил неделю назад. Ему захотелось упасть на колени, обнять его и никогда не отпускать.

Но вспомнил слова Нечаева: «Ни коллеги. Ни семья».

Он присел на корточки, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Давай не сейчас, Андрюша. Папе нужно собраться в длительную командировку.

— Опять? Ты же только вернулся из Вологды, — поморщился мальчик.

— Прости. Новая точка. — Савельев погладил сына по голове, касаясь мягких волос. Прикосновение причиняло моральную боль. — Я привезу тебе уникальный камень с древними знаками.

— Камень? — разочарованно протянул мальчик. — Лучше привези новую машинку.

— И машинку тоже, — соврал Савельев.

А про себя подумал: «Машинки может больше не будет. Возможно, я даже не приеду».

В этот момент из-за спины сына выглянула светловолосая, с большими серьёзными глазами девочка лет пяти. Катя — будущая мать Веры. А сейчас она просто держала в руках плюшевого медведя и внимательно разглядывала отца.

— Папа уезжает? — спросила она. Не капризничая.

Савельев почувствовал, как под этим взглядом становится ещё тяжелее дышать. Дочка всегда чувствовала то, что другие пытались скрыть.

— Да, Катюша. Надолго.

Девочка подошла ближе и положила свою маленькую ладонь ему на колено. А у Савельева перехватило горло.

— Будь осторожен, — шепнула дочь.

Елена наблюдала за этой сценой, прижав полотенце к груди. В любимом муже она видела загадку, которую боится разгадать.

— Вить, — сказала она, когда дети отошли в свою комнату, к игрушкам. — Ты не спишь ночами, вздрагиваешь, когда звонит телефон. Ты что-то скрываешь.

Внутри всё сжалось, он хотел рассказать правду, о том, что нашёл нечто, способное перевернуть мир науки. Но язык прилип к нёбу. В портфеле лежал второй экземпляр бумаги о неразглашении.

— Лен, пожалуйста. Не спрашивай. Просто... верь мне. Это важно.

— Для кого? — дрогнул её голос.

Савельев не мог ответить, потому что ответ станет началом конца их нормальной жизни. Вошёл в ванную, закрыл дверь на защёлку и включил воду. Под шумом струи он наконец позволил себе посмотреть в зеркало, из которого смотрел чужой человек, который уже начал забывать, каково быть отцом и мужем.

«Простите меня, — подумал он, глядя на своё отражение. — Я делаю это потому, что не могу иначе».

Когда он вышел, ужин уже остыл. Дети играли в своей комнате, а жена сидела за столом, глядя в одну точку. Савельев сел напротив, взял ложку, еда казалась на вкус как последний глоток счастья.

Завтра он уедет в Карелию. И, возможно, больше никогда не сможет сидеть за этим семейным столом.

Савельев действительно был одержим наукой. Он даже не мог предположить, что гул, который он услышал на берегу карельского болота в октябре 1974 года, был просьбой древнего бога, просящего об освобождении.

Глава 2

НАСЛЕДСТВО

Ноябрь 2024 года. Новосибирск. Промзона за Академгородком.

Вера Пименова, тридцати двух лет, программист, практик, циник. Когда ей было восемнадцать, нотариус в пыльном кабинете на улице Ленина протянул бумагу и сказал, что дед оставил ей участок в промзоне за Академгородком. Полгектара земли, бетонный ангар без окон и пара подсобных помещений. Вера подписала, не читая. Деда она почти не помнила. Он умер в девяносто шестом, ей тогда было всего четыре года. Она помнила, как лезла к высокому, сутулому старику на колени, теребила пуговицы на пиджаке, совала пальцы в карман, где всегда лежали какие-то бумаги. Дед сажал её на колени, держал одной рукой, а другой пил остывший чай и смотрел в окно, будто за стеклом происходило видимое только ему, но очень важное. Мама говорила: «Не трогай деда, он устал». От чего он устал, не объясняла.

Официально по бумагам в наследство достался завод, который с 1976 года числился на балансе Минэлектронпрома. Судя по документам, он производил резисторы, но ни одного реального изделия здесь не произвели ни разу. Каким образом в первую волну приватизации дед оформил землю и здание в частную собственность, оставалось загадкой.

Мать говорила: «Дед — учёный. Работал над чем-то секретным. Там ничего нет. Только бетонная коробка, похожая на бункер. Продай». Но Вера не продала.

Первый раз она приехала сюда в двадцать девять, когда умерла мама.

Промзона. Забор из профлиста, бетонная дорога и голые берёзы. Одноэтажное здание, ржавые ворота с вывеской «Сибэлектроприбор. Цех 4». Вера внимательно осмотрела хозяйство и по достоинству оценила, насколько хорошо бетонные стены держали холод. В ангаре была установлена профессиональная система вентиляции, электричество подвели ещё в советские времена, и кабель был рассчитан на нагрузки, о которых современные майнеры могли только мечтать.

Через три месяца бросила аспирантуру на кафедре вычислительной математики НГУ. Поняла, что писать диссертацию про оптимизацию нейросетей ради прибавки в двенадцать тысяч рублей к зарплате старшего научного сотрудника — это не то, чем она хочет заниматься до пенсии.

Продала квартиру в городе, на вырученные деньги зарегистрировала ИП и переоборудовала дедовский ангар под криптоферму. Поставила стойки с ASIC-майнерами, протянула охлаждение, написала скрипт управления, и бизнес пошёл. Не миллионы, но стабильно. Хватало на жизнь, оборудование и не смотреть никому в рот.

За три года бункер стал родным. Она не знала, почему именно здесь ей думается легче, а усталость уходит быстрее. Низкий, почти неслышимый гул трансформаторов за стеной действовал на неё как белый шум для остальных. Ровный, предсказуемый ритм, который выравнивал дыхание и мысли. Она списывала это на хорошую звукоизоляцию и привычку. На самом деле её мозг уже три года жил в альфа-диапазоне, который дед заложил в фундамент здания полвека назад.

Пасмурным ноябрьским утром Веру разбудил один из вентиляторов системы охлаждения, который работал со скрежетом. Ритм сбился. Это раздражало больше, чем недосып. Натянула худи, сунула ноги в кроссовки и вышла в общий зал своего бункера.

Рёв кулеров, гул трансформаторов, низкий вибрационный фон. Ферма занимала сорок метров в длину и двадцать в ширину. Стеллажи с ASIC-майнерами стояли рядами, как солдаты на плацу. Триста машин, каждая размером с кирпич и со своим вентилятором. Они жужжали, мигали зелёными и красными огоньками. Прошла вдоль стеллажей. Шестьдесят три машины показывали ошибку. Она отметила их в приложении.

«Опять вы, сволочи, подводите?» — усмехнулась она про себя, мысленно обращаясь к машинам. Это просто окислившийся контакт или перегрев чипа. Проблема, у которой есть решение в виде отвёртки и мультиметра.

Она вспомнила, как пять лет назад коллеги по работе сидели с ней в одной лаборатории, приветливо улыбались, а потом из зависти писали анонимки в деканат. Воровали черновики её научных работ и под своими именами писали статьи в свежем номере вестника НГУ. Тогда она плакала в туалете, потому что граница «свой» — «чужой» ещё не была обозначена. Теперь граница была выстроена чётко: люди — как зрители в театре, приятные на расстоянии, но опасные вблизи. А майнеры — честные партнёры. Они ломаются по законам физики, а не по законам подлости. «Значит, придётся чинить». Но сначала кофе.

Кофемашина зашипела. Вера налила кружку, села за стол, открыла ноутбук и увидела на закрытом форуме личное сообщение.

От: Ales. Тема: Мощности. Время: 03:47. «Привет. Ищу производственные мощности. Не для майнинга. Для другой задачи. Готов платить. Если интересно, ответь».

Мама была последним человеком, которому она доверяла. Все остальные предали задолго до этого. Поэтому на всякий случай проверила профиль. Пять лет на форуме. Двести сорок сообщений. Репутация высокая. В основном технические посты: уязвимости, эксплойты, криптография. И год назад один пост про квантовые вычисления. «Квантовые компьютеры не для майнинга. Они для криптоанализа. В этом их настоящая сила».

Вера решила пообщаться с неглупым человеком и ответить.

От: VeraPim. Время: 06:12. «Ресурсы? Деньги?»

Ответ пришёл практически моментально.

От: Ales. Время: 06:13. «Не здесь. Контакт в профиле».

Она добавила адрес в защищённом мессенджере и отправила свой.

Ales: Спасибо, что ответила.

VeraPim: Ближе к делу.

Ales: Мне на три месяца нужно изолированное место. С питанием, охлаждением и защитой от внешнего доступа.

VeraPim: Зачем?

Ales: Для установки одного устройства.

VeraPim: Какого?

Ales: Квантовый процессор.

Вера отставила кружку. Перечитала сообщение, посмотрела на кабели, уходящие в пол, и прислушалась к трансформаторам, гудевшим за стеной. Зачем деду были нужны такие мощности? Толстые медные жилы в смоляной оплётке. Трансформаторная подстанция, рассчитанная на нагрузку не цеха, а огромного завода. Вентиляция, которая предназначена охлаждать не майнеры, а совсем другое оборудование. Она думала, что это просто советский избыток или ошибка проектировщиков. А сейчас поняла: дед строил это не для производства резисторов. Он строил это для того, что требовало колоссальной энергии, изоляции и тишины. Неужели дед построил это здание специально для неё? Но откуда он мог знать?

VeraPim: Почему не подключиться через облако? Есть же удалённый доступ к квантовым кластерам. IBM, Google, Alibaba. Зачем тебе физическое устройство? Зачем тащить железо в Сибирь?

Ales: Потому что облако логируется. А информация, которую мне нужно получить, принадлежит компании, скажем так, которая имеет доступ к крупным провайдерам и дата-центрам. Любой удалённый сеанс оставит след. Если я запущу криптоанализ через облако, они узнают об этом раньше, чем я получу первый результат. Поэтому мне нужен физический разрыв с сетью. Устройство, которое нельзя отследить, потому что его нет ни в одном реестре.

VeraPim: Откуда ты знаешь, что у меня есть такие мощности?

Ales: Ты три года сидишь на этом форуме. Ни разу не написала, где живёшь. Но в логах твоего провайдера задержка до новосибирского узла. И ты покупаешь оборудование с доставкой в промзону за Академгородком. На адрес, которого нет ни в одной базе данных. Но главное не это. Я просканировал энергопотребление района. Твоя точка берёт аномально мало для заявленных стоек, но фон стабильный, как в операционной. Так бывает только там, где стоит экранирование военного класса и советская разводка фаз. Ты сидишь не в ангаре. Ты сидишь в бункере.

VeraPim: Задержка в логах не доказательство, а догадка. Ты просто угадал или блефуешь.

Ales: Мог бы и блефовать. Но нет.

VeraPim: Тогда зачем мне тебе верить?

Пауза. Вера уже подумала, что он отключился. Но пришло новое сообщение.

Ales: Смотри.

После чего он прислал изображение: её ржавые ворота с цепью поперёк дороги. Снято сверху, под углом. Размытость по краям. «Интересно, спутник или дрон?» В правом нижнем углу — время и координаты. «Как он может видеть её? Из космоса, облака или с чужого сервера».

Она вернулась к переписке.

VeraPim: Ты за мной следишь?

Ales: Нет.

VeraPim: Тогда откуда фото?

Ales: Видеорегистратор службы доставки «Экспресс-Логистика». У них у всех камеры фиксируют маршрут курьера. Три недели назад ты заказывала блоки питания. Я поднял архив. Нашёл нужный кадр. Убрал шум и отправил тебе.

VeraPim: И как мне тебе после этого доверять?

Ales: Легко. Я мог прислать твоё лицо, распорядок дня, номер машины, на которой ты ездишь за продуктами. Но я этого делать не буду. Ты и твоя жизнь меня не интересуют. Я хакер высокого класса. Для меня добыть информацию в сети не составляет труда. Особенно когда её не прячут. Считай, я просто предъявил тебе своё удостоверение.

Вера перечитала. А ведь он прав. Он без разрешения взял из чужой системы и прислал только то, что нужно для подтверждения своих навыков. Не больше. Не меньше. «Это действительно не вторжение, а визитная карточка».

VeraPim: Сколько?

Ales: Пять лямов. Могу битками. Половина сейчас, остальное по факту.

VeraPim: Пять мультов? За место?

Ales: За доступ к ресурсам и помощь с запуском.

VeraPim: Пять мультов, и по завершении процессор остаётся у меня.

Ales: Принято. Но ты не задаёшь дурацких вопросов.

VeraPim: А если задаю?

Ales: Тогда задай себе. Тебе нужен доступ к квантовому процессору? Пять лямов? И партнёр, который не полезет в твою жизнь? Я предлагаю правильные ответы на все три вопроса.

VeraPim: Мне нужно подумать.

Ales: Хорошо. Жду ответа завтра, в это же время.

Вера просидела ещё час, глядя в монитор. Потом встала, налила ещё кофе и пошла в майнинговый зал. Достала инструмент, села на корточки и начала ремонт. Руки работали автоматически, а голова думала о другом.

На следующее утро она ответила.

VeraPim: Согласна. Условия. Первое: ты не лезешь в мою жизнь. Второе: квантовый процессор после проекта остаётся у меня. Третье: если ты меня подставишь, я найду тебя. И это будет не полиция.

Ales: Принято.

VeraPim: Когда приезжаешь?

Ales: Через неделю. С оборудованием.

Вера стояла у шлагбаума с шести утра. Над серой лентой дороги плотной, непроницаемой стеной висел туман. За три года ни одна живая душа не переступала порог её убежища.

Она стояла, засунув руки в карманы худи, и смотрела в пустоту. Её аналитический ум, привыкший раскладывать хаос по полочкам, лихорадочно пытался классифицировать состояние тела: тахикардия, выброс кортизола, иррациональный страх перед нарушением привычного уклада. Тот же страх, как тогда в двадцать шесть. Она вспомнила, как стояла у ЗАГСа. Платье, фата, букет — всё как положено. Жених опоздал на сорок минут. Она тогда подумала: «Волнуется». А потом из его машины вышла её раскрасневшаяся лучшая подруга, поправляя платье. Подруга плакала, просила прощения, а жених говорил, что это «случайность».

После этого она никого больше не впускала в своё личное пространство. Доверие закончилось окончательно. Каждый сам по себе, и никто не требует ничего взамен. Люди хороши как соседи по миру. Прекрасны, умны, интересны и талантливы. Но не как жители её внутреннего пространства. Туда вход был закрыт.

А сейчас к ней ехал человек, который минимум три месяца будет в бункере, за одним столом, под одной крышей, внутри её личного пространства. Ветер трепал край капюшона, но она не стала его поправлять. Пальцы в карманах сжались в кулаки, ногти впились в кожу ладоней. Ей нужна была эта резкая боль как доказательство того, что она всё ещё человек, а не просто функция. Не монахиня. А человек, который знает цену близости и предпочитает платить за безопасность, а не за иллюзию доверия. Но Вере было плевать. Для неё Алесь был функцией доставки, которая везла вещь, о которой она грезила, считая мечту технически неисполнимой. И за эту мечту можно месяц потерпеть.

Белый, грязный, без опознавательных знаков фургон появился из тумана как призрак. Остановился у шлагбаума ровно в семь ноль-ноль. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Вера сразу отметила для себя пунктуальность хакера как положительное качество и нажала кнопку брелока. Шлагбаум пополз вверх, скрипя ржавыми петлями. Фургон проехал по бетонной плите и остановился у ворот цеха. Дверь кабины открылась, и на землю по-спортивному легко спрыгнул Алесь.

В переписке он был набором символов. А оказался высоким, слегка сутулым парнем. Чёрная куртка, потёртая на локтях и манжетах. Джинсы, выцветшие до белизны на коленях. Тёмные волосы до плеч, узкое лицо, с резкими скулами и такой же бледной, как у неё, кожей, которая явно мало видела солнца. Серые глаза пробежали по забору, камере над входом, окнам соседней заброшенной подсобки и только потом остановились на Вере. Он, как и она, сверял воображаемый образ с реальностью.

— Вера? — голос по тембру был ниже, чем она ожидала.

— А ты Алесь? Планировал увидеть кого-то ещё? — без эмоций ответила она.

За ним из фургона вылезли молодые, крепкие, в серых комбинезонах грузчики. Двое запомнились сразу: коренастый, с татуировкой скорпиона на шее, окинул Веру взглядом и тут же отвёл глаза; второй, худой и рыжий, зевнул, прикрыв рот кулаком. Остальные были невзрачными, лицами не отличались, и, не задавая вопросов, сразу приступили к работе.

Серые, без маркировки и штрихкодов, тяжёлые пластиковые ящики переносились один за другим. Узкий проход между стойками майнеров и низкая перемычка двери немного замедляли процесс, но грузчики двигались как слаженный механизм.

Первый казус случился, когда рыжий, пятясь задом с тяжёлой экранированной панелью, не рассчитал габариты и со всего маху впечатался спиной в стойку с ASIC-майнерами. Стойка качнулась. Вера среагировала быстрее, шагнула вперёд, подхватила стойку обеими руками и упёрлась плечом. Металл стеллажа больно вдавился в тело, но она удержала.

Рыжий с уважением посмотрел на Веру и на покачнувшуюся стойку.

— Сорри, — выдохнул он.

— Аккуратнее, — строго сказала Вера. — Здесь не склад, а рабочее пространство.

Рыжий кивнул, будто школьник перед директором, и после этого инцидента двигался с преувеличенной осторожностью, обходя стойки по дуге, как мину. Коренастый со скорпионом на шее негромко хмыкнул, выразив и уважение к хозяйке территории, и столько же иронии над напарником, отчего Вера едва удержалась от улыбки.

Алесь стоял в стороне и не вмешивался в процесс разгрузки. Но когда Вера удержала стойку, а не стала орать на грузчика и требовать возмещения ущерба, он отметил это про себя. Для Алеся, привыкшего к истерикам заказчиков, это было лучшим показателем: она не истеричка и знает цену своему железу.

В углу одного из ящиков Вера заметила полустёртый остаток логотипа компании «Хуанхэ Дайнемикс» — его явно пытались удалить. Абсолютно спокойным взглядом скользнула по логотипу и продолжила наблюдать за грузчиками. Она зафиксировала его и до поры до времени промолчала. Алесь стоял в трёх метрах, следил за разгрузкой, и для него этот момент прошёл незамеченным.

Через сорок минут вынесли матово-чёрный контейнер с квантовым процессором. Четверо грузчиков несли его на специальных ремнях, синхронно, почти не дыша, и осторожно поставили на подготовленную площадку без единого лишнего движения. Когда контейнер занял своё место в углу, грузчики вытерли пот. Коренастый достал из кармана бутылку воды, открутил крышку, предложил напарнику. Рыжий покачал головой и подошёл к Алесю. Хакер без слов достал из куртки толстый запечатанный конверт. Коренастый взял, не глядя, сунул во внутренний карман, кивнул. Грузчики как по команде сели в фургон. Тот завёлся, развернулся и скрылся в тумане.

Алесь вытер руки о джинсы и посмотрел на Веру.

— Поехали перекусим, — спокойно предложил он. — Ты наверняка голодная.

Три года она ни с кем не говорила дольше пяти минут подряд. Она скрестила руки на груди.

— Могу заказать доставку, — сказала она с полуулыбкой. — Зачем куда-то ехать?

— Нет, — настаивал Алесь. — Нам с тобой нужно уехать с объекта на сутки.

— Сутки? — Вера приподняла бровь. — Значит, ночевать не здесь?

— В гостинице.

Она смотрела, как он стоит, засунув руки в карманы, и пытается выглядеть уверенным, хотя подметила, что он нервничает. Ей вдруг стало смешно и захотелось поиграть в женщину, которая умеет флиртовать, хотя последний раз флиртовала лет пять назад.

— Так ты что, не успел приехать, а уже зовёшь в койку? — спросила она с самой настоящей улыбкой, проверяя его на прочность.

Он не стал оправдываться или переводить всё в шутку, как делали остальные.

— Ну нет, просто зову поесть. — Как думал, так и сказал Алесь. — Койка — это уже твои фантазии. Просто сейчас прибудет бригада специалистов. Монтаж займёт почти сутки. Нельзя, чтобы ты их видела.

Усмешка медленно сползла с лица Веры, уступая место мыслям.

Он не пытался её впечатлить. Не использовал дешёвые подкаты. Не давил авторитетом или деньгами, а честно констатировал факт: есть договор, и его надо принять. За последние пять лет ни один знакомый не говорил с ней так честно. Все пытались что-то получить взамен. Внимание, секс, подтверждение своей значимости. А этот хакер просто хотел решить техническую задачу и уберечь её от лишних глаз.

Вера вспомнила логотип на ящике. Поняла, что он не хочет, чтобы она видела заказчиков. Но он не стал врать про «частного клиента из Европы», а просто сказал: «Нельзя, чтобы ты их видела».

Это было неожиданно.

— Ладно, поехали, — сказала она, и в голос снова вернулась игривость. — Но если еда будет плохая, я назло вернусь и буду смотреть на твою бригаду.

Алесь кивнул, всем своим видом показывая облегчение.

— Бригада не моя. Это пункт договора, заказчик решил быть инкогнито. Поэтому еда будет нормальная, обещаю.

— Поехали, — спокойно ответила Вера. — Ты здесь гость. Но так и быть, за пять лямов я потерплю сутки дискомфорта.

Она достала из кармана худи ключи и нажала кнопку. В десяти метрах от них, под брезентовым тентом, мигнули фары тёмно-серого внедорожника. Грязного, с царапинами на бампере, но ухоженного. Машины не для понтов, а чтобы ездить по делам. Вера подошла к водительской двери. Открыла. Посмотрела на Алеся через крышу.

— Чего стоишь как истукан? Садись за руль, — сказала она лёгким, игривым голосом. — Покатай даму.

Он сделал шаг к водительской двери и уже собирался сесть, когда она рассмеялась.

— Ты серьёзно? — спросила она сквозь смех. — Ты мою любимку разобьёшь на первом же повороте. Вы, хакеры, за рулём как слепые котята.

— Нет-нет, что вы? — не растерялся Алесь. — Я лишь решил поухаживать за дамой. Дайте вашу ручку, помогу вам поудобнее устроиться.

Вера улыбнулась, приняла его ладонь и села за руль. Алесь отпустил её руку, закрыл за ней водительскую дверь, обошёл машину и сел на пассажирское место. Вера завела двигатель, включила передачу, плавно тронулась с места.

Ехали по разбитой бетонной дороге к выезду из промзоны.

— Знаешь, — сказала Вера, не отрывая взгляда от дороги. — Я впервые в жизни оставляю в своём доме совершенно незнакомых людей наедине с моим оборудованием. — Она покосилась на него. Глаза насмешливо блестели. — Если они такие же неуклюжие, как твои грузчики, то точно хоть одну стойку, но уронят, — продолжила она, и в голосе снова проскользнула усмешка. — А меня рядом нет, и некому будет её поймать. Они угробят мне всю ферму.

Но в насмешке было ничем не прикрытое доверие. Она оставляла своё имущество без присмотра потому, что рядом сидел человек, которому она доверяла.

Алесь смотрел на дорогу, но видел только её профиль. «Ошибка логики, — мелькнуло в голове. — Она даёт полный root-доступ постороннему пользователю и шутит про безопасность». Он ждал подвоха, скрытого условия или попытки манипуляции. Но их не было.

— Не угробят, — сказал он наконец уверенно. — Они поаккуратнее нас с тобой будут.

Машина выехала на шоссе. Впереди замелькали городские огни, разгоняя туман. Бункер остался позади. В нём стоял матово-чёрный контейнер без маркировки, и подъезжала бригада монтажников, которую нельзя видеть. А в машине, которая уносила их прочь от бункера, сидели два человека, которые неделю назад были друг другу лишь никами на форуме.

— Знаешь, — сказал Алесь, глядя не на дорогу, а на неё. — Я думал, ты откажешься ехать со мной. Чтобы сохранить дистанцию. Или скажешь: «встретимся в кафе».

— А я думала, что именно это предложишь ты, — ответила Вера, не отрывая взгляда от дороги.

— Предложил бы, — честно ответил он. — Если бы не видел, как ты держишь стойку.

— А ты не боишься, что я тебя не туда привезу? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Я чувствую, ты везёшь туда, куда нужно.

Городские огни замелькали ярче, разгоняя туман.

Глава 3

ПРИЗНАНИЕ

Ноябрь 2024 года. Новосибирск.

Кафе «Байт» было обычным местом на окраине Академгородка. Кирпичные стены, деревянные столы, шум посуды, гул голосов, запах жареного лука и пережаренного кофе. Вера выбрала его не из-за интерьера, а из-за гигабитного оптоволокна, которое владелец протянул сюда лично для себя.

Едва переступив порог, телефон Алеся завибрировал, экран мигнул красным. Сниффер поймал аномальный всплеск трафика. IP-адрес источника совпадал с серверами штаб-квартиры в Сиэтле. Алесь пробежал глазами по строкам лога и только после этого поднял взгляд на Веру.

— Прости, мне срочно, по работе. Секунду, — бросил он, уже направляясь к свободному столику.

Он рухнул на стул, раскрыл планшет и подключился к потоковой передаче. Пальцы забегали по стеклу с пугающей скоростью.

По новосибирскому времени был поздний вечер, а в Сиэтле раннее утро. Эрик Вэнс, глава корпорации «VanTech», намеренно назначил презентацию на этот час. Расчёт был циничен и прост: к моменту, когда Нью-Йорк сядет обедать, а Лондон откроет вечерние выпуски, «Элизиум» будет единственной темой. Алесь видел, как картинка на его планшете совпадает с тем, что транслируют все мировые агентства. Зал на три тысячи человек, сотни камер, холодный блеск объективов. Прямая трансляция, ни кадра цензуры. Эрик Вэнс держал мир на коротком поводке, заставляя планету смотреть туда, куда он указывал пальцем.

Экран Алеся разбился на шесть окон. В центре трансляция корпорации «VanTech». По периметру снифферы, снимающие трафик в реальном времени. Он следил за этой корпорацией не только ради заказа. Каждый пакет данных проходил через его фильтры. Он знал о ней больше, чем совет директоров, и ждал любой ошибки в коде, которая позволит войти на их серверы.

Сиэтл. 2024 г.

В центре софитов стоял сияющий бог нового мира — основатель VanTech Systems Эрик Вэнс. Рядом, словно дорогая статуэтка на полке трофеев, неподвижно стояла светловолосая девушка лет двадцати шести. Худая, с острым подбородком и абсолютно пустым взглядом.

— Сегодня я представляю вам «Элизиум», — голос Вэнса звучал как всегда уверенно. Для всего мира он был создателем, который лично изобрёл будущее. — Проект, над которым я работал последние десять лет. Моя мечта. Моё наследие.

Он сделал паузу, наслаждаясь ликованием аудитории.

— Я очень рад, что рядом со мной моя дочь Лили. Она поддерживает меня на этом трудном пути и вдохновляет воплощать все мои проекты в реальность.

Лили без единой эмоции кивнула. Эрик Вэнс подвёл её к микрофону. Девушка механически, как робот, которого запрограммировали, улыбнулась. В глазах читались только усталость и покорность.

Зал взорвался первыми аплодисментами.

Новосибирск.

Алесь дёрнулся. Резкое движение руки задело край стола. Кружка капучино, которую официант поставил секунду назад, завалилась на бок. Горячая жидкость плеснула через край, обжигая ноги. Алесь вскочил, шипя сквозь зубы, но глаз от экрана не отвёл, будто пытался прожечь его взглядом.

— Господи... — простонал он. — Чёрт...

Вера, не спрашивая «что случилось», резко встала. Схватила со стола горсть бумажных салфеток и, прежде чем он успел среагировать, прижала их к его джинсам.

— Успокойся и сядь, — сказала она без сентиментальности. — Ты привлекаешь лишнее внимание.

Он медленно опустился на стул. Вера продолжила промакивать ткань, не глядя ему в лицо. Только когда убедилась, что он успокоился и дышит ровно, подняла взгляд.

— А теперь объясни, — поинтересовалась она, — что за истерику ты устроил в общественном месте?

Алесь не отрывал глаз от экрана, где Лили, явно не в восторге от своей роли, продолжала говорить чужие слова.

— Он лжёт, — сказал Алесь хриплым шёпотом. — «Элизиум» не его, это полностью разработка Лили. Она начала её десять лет назад, когда ей было всего шестнадцать. Именно она написала всю архитектуру проекта. А эта скотина Вэнс присвоил все лавры себе.

Вера смотрела не в экран, а на его руки под столом. Сжаты. Неподвижны. Лжец суетился бы, а он сидел, как парализованный.

— Откуда ты…?

— Потому что я её знаю, — скороговоркой ответил на незаконченный вопрос Алесь. — Не лично, конечно. Через сеть.

Он отвёл взгляд от экрана и пристально посмотрел на Веру.

— Двенадцать лет назад я был обычным сисадмином, — сказал он, будто рассказывал самому себе. — Платили копейки, зато железо вокруг было топовое. Я был одержим играми, жил в них. Выбивал топ-рейтинги, зарабатывал на киберспорте, чувствовал себя королём мира. А потом появился игрок под ником @Lili. И начал выносить меня вчистую. В каждой игре без исключений.

Вера не перебивала. Повертела в руках остывшую кружку, делая вид, что занята кофе. На самом деле она считывала его, как считывала чужой код: не по словам, а по тому, где он запинался.

— Я ушёл в шутеры, стратегии, в общем, в ниши, где её не было. Снова стал первым. Но это не приносило удовольствия. Потому что я знал, что есть игрок намного сильнее меня.

Он сделал паузу. Потёр пятно на джинсах, которое Вера не успела промокнуть.

— В две тысячи четырнадцатом я наткнулся на закрытое приложение для популярной игры «The Sims». Официально это был элитный приватный сервер с расширенным функционалом, а неофициально полигон для обкатки нейроинтерфейса «Нейро-Вир». Дорогая игрушка, которая требовала специального оборудования для считывания активности мозга и в реальном времени перестраивала аватар, создавая не модельку из полигонов, а цифровую копию сознания игрока. Но про это я узнал намного позже.

Вера чуть прищурилась. Она понимала, о чём он говорит. Квантовая биометрия, замаскированная под игровой мод. Технологии, которые в две тысячи четырнадцатом существовали только в закрытых лабораториях, а здесь подавались как эксклюзивный контент для богатых фанатов симулятора жизни.

— Я купил доступ. И оборудование. И снова встретил @Lili, — продолжил Алесь. — Ей было всего шестнадцать.

— А в две тысячи восемнадцатом игра просто исчезла, — сказал Алесь. Голос стал ещё тише. — Серверы отключили без предупреждения. Аккаунты удалены. Никаких анонсов, никаких объяснений. Вместе с игрой навсегда пропал и ник @Lili.

На экране девушка закончила объяснять принцип работы интерфейса и ушла в тень отца, не дожидаясь аплодисментов. Зал ликовал. Эрик Вэнс сиял. А Лили стояла неподвижно, как манекен.

— Тогда я понятия не имел, кто она такая в реальности, — продолжил Алесь. — Только ник и голос в цифровом пространстве. Она была для меня феноменом. И когда этот феномен исчез, я почувствовал пустоту, которую ничто не могло заполнить. Ради того, чтобы найти её след, я и стал хакером. Нашёл через три года. Лили Вэнс. Дочь Эрика Вэнса.

Он поднял беззащитный взгляд на Веру. Он только что разрушил стену, за которой прятался десять лет, и теперь ждал, рухнет ли она ему на голову или станет фундаментом для чего-то нового.

— Десять лет. Миллиарды долларов. Вся корпорация VanTech — это, по сути, её заслуга. Вэнс лишь лицо компании, а Лили мозг. Но об этом знают только трое в мире: Вэнс, Лили и я.

— Почему ты?

— Потому что я единственный, кто всё это время отслеживает её следы. Обрывки кода, зашифрованные сообщения, аномалии в сети.

Вера отставила кружку.

— Если ты десять лет шёл по её следу, ты мог продать этот след сто раз. Конкурентам, журналистам, шантажистам. Почему не продал?

Алесь пожал плечами.

— Потому что тогда мне нечего было бы искать.

Вера для себя отметила, что ответ был дурацким и честным одновременно. Значит, не врёт: лжецы дают красивые ответы.

— Ты любишь её? — спросила Вера.

Алесь покачал головой.

— Нет. Между нами пропасть. Разница в возрасте, статус. Она даже не знает, что я существую. Для неё я ник из прошлого, который она забыла через неделю после ухода из игры. Просто она мой кумир в мире технологий.

— А сколько тебе?

— Уже сорок два. Просто выгляжу моложаво.

Он снова посмотрел на экран. Лили всё так же стояла под софитами, сохраняя идеальную осанку и безупречную улыбку. Но он видел шестнадцатилетнюю девочку, которая когда-то победила его в игре, а потом исчезла.

— Спасибо, — сказала Вера. — За честность. Теперь моя очередь.

Она достала телефон, открыла фото и развернула экран к нему: полустёртый, но читаемый логотип на ящике.

— Я заметила, когда разгружали. На одном из ящиков они плохо стёрли улики.

Алесь откинулся на стуле и провёл рукой по лицу.

— Это откуда?

— С ящика с панелью. Я молчала, потому что ждала, когда ты сам расскажешь о заказчике.

Алесь без радости усмехнулся.

— Спасибо, что просветила. Я, честно говоря, сам не знал, кто заказчик, но догадывался по косвенным уликам. Цепочка посредников. Китайцы, американцы, европейцы — неважно. Деньги на эскроу, и задача взломать «Элизиум». Мне всё равно, кто платит, потому что я сам, для себя хочу получить эти данные.

— А теперь знаешь, кто платит? — поинтересовалась Вера. — «Хуанхэ Дайнемикс» очень непростая контора. Они использовали тебя втёмную. Подсунув тебе процессор, который умеют делать только они. И возможно, они же подкинули тебе идею обратить внимание на мой адрес.

— Значит, они знают обо мне всё, — простонал Алесь. — Вплоть до цвета носков.

— Я думала, ты знаешь, поэтому спокойно показала тебе фото, — ответила Вера. — А сейчас их железо уже стоит в моём бункере.

Как знак открытости Алесь положил на стол между ними руку ладонью вверх.

— Я могу быть опасен? — спросил он. — За мной, скорее всего, могут следить.

Вера посмотрела на его руку и накрыла её своей.

— Ты только что рассказал мне о себе больше, чем кому-либо за последние десять лет, — сказала она. — И я знаю, что ты не врёшь. Мне этого достаточно. Я верю тебе, и поэтому помогу, чем смогу.

Алесь прикрыл глаза и выровнял дыхание. Когда открыл, голос стал ровнее.

— Мы можем вернуться прямо сейчас. Я сверну проект. Верну процессор, и мы разойдёмся.

— Ну уж нет, — покачала головой и рассмеялась Вера. — Во-первых, мне нравится игрушка, которую сейчас монтируют в моём бункере. А во-вторых, я бы хотела закрепить нашу дружбу.

— Это ты сейчас о чём?

— О гостинице, — ответила она с невинным лицом. — Я думала, ты понял.

Она встала. Бросила на стол смятую купюру, которой хватило бы на хороший ужин в ресторане, а не за разлитый кофе.

— Поехали. Но если ты храпишь, то я тебя выставлю.

Гостиница называлась «Обь». Три звезды, неработающий лифт и ковёр в коридоре, который помнил советские времена. Вера сняла номер на последнем этаже.

Двухместная кровать, тумбочка, телевизор и окно с видом на парковку. Вера вошла первой и бросила сумку на кровать.

Алесь закрыл дверь и остановился.

— Я могу лечь на полу.

Вера обернулась, посмотрела на его руки, которые он не знал, куда деть.

— Не надо.

Он поднял на неё взгляд.

— Что не надо?

— На полу. Не надо.

Алесь не двинулся с места. Стоял у двери, как у черты, и ждал.

Вера сама подошла ближе, чем позволяла кому-либо за последние пять лет.

— Ты уверена? — спросил он.

— Нет, — честно ответила она. — Но я устала быть уверенной.

Он поднял руку, будто спрашивая разрешения, и коснулся её щеки. Пальцы были холодными. Она закрыла глаза.

— Если ты передумаешь — скажи, — прошептал он.

— Замолчи, — ответила она и поцеловала его.

Шэньчжэнь. Штаб-квартира «Хуанхэ Дайнемикс».

Сорок этажей стекла и стали, вросших в небо над промышленным районом Наньшань. Корпорация официально числилась телекоммуникационным гигантом, поставщиком инфраструктуры для пятидесяти стран мира, а неофициально являлась государственной структурой, цифровым подразделением МГБ КНР, специализирующимся на всём, что можно оцифровать, перехватить или украсть.

Двадцать восьмой этаж. Комната без окон. Глухая звукоизоляция, холодный свет панелей, три рабочих места. Никаких личных вещей. Только мониторы и серверные стойки за стеклянной перегородкой.

За центральным терминалом сидел Чэнь Вэймин. Пятьдесят шесть лет. Заместитель директора по специальным операциям. В личном деле значилось «координатор международных проектов». Фактически он управлял сетью из трёхсот агентов в четырнадцати странах и курировал все операции, связанные с западными технологиями двойного назначения.

На экране пульсировала зелёная точка. Она высвечивалась на карте России, в шести тысячах километрах отсюда. Стабильный сигнал от чипа слежения, встроенного в корпус квантового процессора ещё на этапе сборки, куда не допускали даже собственных инженеров, работал безупречно. Передатчик шёл на несущей, разработанной в Шэньчжэне: этой волны не было ни в одном стандарте связи, и любой сканер, перебирающий известные диапазоны, проходил мимо. Процессор прошёл через четырёх посредников, две таможни и один подставной склад в Макао, прежде чем попасть к Алесю. Хакер был уверен, что получил чистое железо.

Рядом с Чэнем сидела Линь Юй. Тридцати двух лет. Аналитик отдела криптографии. Её лицо освещалось только бегущими строками телеметрии, превращая её в бледную маску из света и тени.

— Сигнал стабилен, — сказала она, не отрываясь от экрана. — Монтаж завершён сорок минут назад. Объект пока не активен.

Чэнь Вэймин, не поворачивая головы, поинтересовался:

— Что с хакером?

— Используем втёмную, — ответила Линь Юй. — Считает, что работает на частного заказчика через эскроу-сервис. Его задача — взломать архитектуру «Элизиума».

Чэнь Вэймин медленно перевёл взгляд с карты на профиль объекта. Зелёная точка горела в промзоне за Академгородком. Адрес, которого не существовало ни в одной открытой базе данных.

— Внучка Савельева, — произнёс он вслух. Слова повисли в кондиционированном воздухе. — Кто бы мог подумать.

Линь Юй кивнула, не останавливая работу.

— Виктор Савельев, руководитель и создатель проекта «Ларь». С семьдесят четвёртого по девяносто первый год он занимался только этим делом. Умер в девяносто шестом. Наследство оформил на внучку. Она очень умна, числилась старшим научным сотрудником на кафедре вычислительной математики НГУ. Несмотря на то что сама ещё только училась в аспирантуре, которую, кстати, бросила три года назад. Переоборудовала наследственную недвижимость под криптоферму и живёт там затворницей.

Она сделала паузу. Строки кода на её экране сменились графиками энергопотребления. Красные пики взлетали вверх, пробивая потолки допустимых значений.

— Вероятность того, что именно этот объект сохранил оригинальную инфраструктуру проекта, превышает восемьдесят процентов. Даже заниженные по документам мощности объекта не соответствуют заявленному назначению. Трансформаторная подстанция рассчитана на нагрузку промышленного гиганта. Нам удалось подкинуть Алесю идею, что именно по этому адресу он сможет получить необходимые энергоресурсы для установки процессора.

Заместитель директора по специальным операциям молчал. В отражении тёмного монитора его лицо казалось высеченным из гранита. Всё, что связано с советскими разработками в области квантового резонанса, представляло интерес для Пекина. Но никто не знал, что такое «Ларь». Правительством была поставлена задача, и этот объект был ключом.

— Данные с чипа поступают? — спросил он.

— Да. Телеметрия, температурные режимы, энергопотребление. — Линь Юй стояла неподвижно. Пальцы зависли над клавишами. — И есть аномалия.

Чэнь Вэймин наконец повернул голову.

— Какая?

— Рядом с процессором обнаружен источник излучения неизвестного происхождения. Частота не совпадает ни с одним техническим стандартом.

Она вывела на центральный экран график. Плавная синусоида не укладывалась ни в одну известную модель. Она была больше похожа на энцефалограмму спящего человека, чем на сигнал устройства.

— Частота стабильна, — сказала Линь Юй. — Восемь-двенадцать герц.

— Какой прибор работает в этом диапазоне?

— Никакой, товарищ Чэнь. — Линь Юй посмотрела на него. В синем свете её глаза казались чёрными провалами. — Это диапазон биопотенциалов человеческого мозга. Альфа-ритм.

Тишина в комнате стала вязкой. Гул серверов за стеклом вдруг показался оглушительным. Чэнь Вэймин смотрел на график. Тридцать лет работы в спецслужбах научили его распознавать паттерны, которые не поддавались классификации. Но этот паттерн пугал.

— Это не устройство, — прошептала Линь Юй.

— Наблюдайте, — сказал Чэнь Вэймин. Голос вернулся к привычной уверенности, но пальцы, лежавшие на столе, слегка дрожали. — Не вмешивайтесь. Если сигнал усилится или изменит характер, доложите немедленно.

Линь Юй кивнула, возвращаясь к клавиатуре.

— Кстати, верификационная пара уже на объекте, — добавила она. — Вышла до того, как вы дали команду не вмешиваться.

— Пусть проверят железо, — сказал он. — Коммутацию, криогенику, готовность к пуску. Это законное прикрытие. Но если возникнут хоть минимальные подозрения о связи Пименовой с ФСБ или ГРУ, выдерните их немедленно.

— Если русские первыми запустят «Ларь», — сказала Линь Юй, глядя на пульсирующую синусоиду, — это будет технология, которую мы не сможем ни украсть, ни скопировать, ни остановить. — Она повернулась к Чэню. — Мы должны добраться до него раньше, чем они поймут, что у них в руках.

Чэнь Вэймин снова посмотрел на зелёную точку.

— А если хакер узнает про чип?

— Тогда мы предложим ему больше. У каждого есть цена. Вопрос только в том, чтобы знать её заранее.

Чэнь Вэймин откинулся на спинку кресла, в тишине скрипнула кожа сидушки. Экран продолжал пульсировать, отбрасывая зелёные блики на его лицо. Сигнал шёл без помех через шесть тысяч километров, из бетонного бункера под Новосибирском.

Сиэтл. То же утро. Штаб-квартира VanTech Systems.

Полчаса назад закончилась прямая трансляция, которая, как мировая сенсация, теперь набирала обороты в рейтинге новостей, превращая ранний час в пик мировой активности. Сам город за окном ещё спал под серым небом, но информационное пространство вокруг него уже кипело овациями.

Лили стояла у панорамного окна и смотрела, как дождь стеной бьёт в стекло. Залив Эллиотт внизу превратился в серую кашу, портовые краны — в размытые силуэты. Капли стекали по стеклу, и город за ними расплывался, реальность отказывалась быть чёткой.

Кабинет Эрика Вэнса был витриной тщеславия и успеха. Пространство, спроектированное для демонстрации того, что его труд увенчался абсолютным триумфом.

Отполированный до зеркального блеска пол из тёмного ореха. Стены, обшитые панелями редкого камня с прожилками золота. В углу вмонтирован биокамин высотой в два метра, инженерное чудо, призванное показать, что Вэнс способен управлять даже стихиями. На стенах классическая живопись XIX века в массивных рамах. Искусство как инвестиция. Доказательство вкуса, подтверждённого аукционными домами «Сотбис» и «Кристис».

Стол занимал треть кабинета. Цельная плита из чёрного мрамора с вкраплениями латуни. На нём модель первого спутника VanTech из титана, хрустальный куб с лазерной гравировкой нейронной сети «Элизиума» — и ни одного личного фото.

Климат-контроль поддерживал идеальные двадцать два градуса и влажность сорок процентов.

Эрик сидел за столом и бессознательно вертел в пальцах платиновую ручку.

Лили смотрела на город и не оборачивалась. Она знала, что отец ждёт, когда она заговорит первой, чтобы сохранить контроль над всем.

— Ты объявил о запуске, — не выдержала она. — Без согласования со мной.

— Это мой проект, Лили, и моя компания. Я не обязан спрашивать разрешения у собственного сотрудника.

Она резко обернулась.

— В первую очередь я твоя дочь, а не сотрудник. И хочу напомнить, что именно я написала протоколы переноса сознания, когда тебе казалось, что это научная фантастика. И хочу тебе сейчас сказать, что система не готова.

Эрик положил ручку на стол.

— Ни один тестовый аватар не держит стабильность дольше сорока восьми часов. Все чипы хранения для переноса личности в физическую оболочку показывают критическую нестабильность нейронной связи. Прошивка сырая. Я не могу локализовать ошибку. Мне нужно ещё минимум три года.

— У нас нет столько времени, — парировал Эрик. Тон был деловой, лишённый эмоций. — Акции упали на восемь процентов за квартал. Инвесторы требуют результата. «Хуанхэ Дайнемикс» анонсировала свой интерфейс погружения на следующий год. Если мы не запустимся сейчас, мы потеряем рынок.

— Рынок? — переспросила Лили, подошла к столу и положила на него ладони. Пальцы были белыми от напряжения. — Ты говоришь о рынке. А я говорю о том, что если система рухнет во время сеанса, сознание пользователя не вернётся. Оно останется утерянным навсегда, даже в цифровом пространстве. Ты понимаешь, что, возможно, именно я буду внутри?

На секунду маска уверенного корпоративного хищника сползла с лица Вэнса, обнажив измождённое лицо старика, который слишком долго нёс груз чужих амбиций. Его пальцы сжались в кулак, но он не позволил себе дрогнуть.

— Ты повторяешь свои ошибки, — продолжила Лили. Голос стал тише. — Мама умерла, потому что ты боялся, что скажут акционеры. Что подумает совет директоров. Жена гения не может быть психически больна. Ты нанял сиделок и запер её в загородном доме, как опасное животное. И она выбрала единственный выход, который ты ей оставил.

Эрику нечем было на это возразить.

— Поверь, папа! Я строю «Элизиум» не для твоих акций, — почти кричала Лили. — Я строю его, чтобы вернуть маму. Загрузить её сознание с сервера в рабочий носитель. Дать свободу. Вернуть ей физическое тело, которого ты её лишил.

Она выпрямилась.

— Если ты ещё раз примешь решение по проекту без моего согласия, я уйду. И заберу с собой уникальную архитектуру проекта, которая существует только в моей голове.

Эрик смотрел на дочь, которую он не узнавал и которую боялся больше, чем падения акций и китайских конкурентов.

— Понял, — сказал он.

Лили повернулась и вышла.

Эрик остался один в кабинете, где всё кричало о деньгах, власти и одиночестве.

Посмотрел на голографический куб «Элизиум». Внутри вращалось сплетение нейронной сети, которое она начертила, будучи ещё ребёнком. Она была права: без неё этот куб был просто стеклом. Эрик понял, что дочь не блефует.

Глава 4

АДАПТЕР

Ноябрь 2024 года. Новосибирск.

Утро выдалось ясным. Словно демонстрируя нарушение границ, которые Вера держала долгое время, вчерашний моросящий дождь сменился на первый снег, который сухо хрустел под колёсами тёмно-серого внедорожника.

Вера расслабленно вела машину, одной рукой придерживая руль. Три года она не позволяла никому даже сидеть на пассажирском кресле её «любимки», а сейчас Алесь полулежал рядом, глядя в окно, и на его лице играла лёгкая улыбка. Они всю дорогу обсуждали, как будут калибровать криогенику, и строили планы на ближайший месяц.

Знакомый ржавый шлагбаум промзоны показался из-за поворота. Вера привычно потянулась к брелоку, но у ворот бункера стоял серый невзрачный фургон. Она без резких движений остановила внедорожник в десяти метрах от чужой машины, медленно повернула голову и посмотрела на Алеся.

— Ты говорил, они уедут до утра? — задала вопрос Вера.

— Говорил, — Алесь не отрывал взгляда от фургона. — Может, не успели смонтировать?

— Или у заказчика другие представления о пунктуальности.

Они одновременно вышли из машины, двигаясь синхронно, будто за сутки научились читать язык тел друг друга. Ворота цеха были приоткрыты. Из щели доносилась иностранная речь, чужие голоса, хозяйничающие на их территории.

Вера и Алесь уверенной походкой прошли в проём тяжёлой стальной двери.

Квантовый процессор был подключён. Кабели протянуты, криогеника заправлена. В режиме ожидания на панели горел одинокий жёлтый диод. А рядом стояли двое в одном шаге от того, чтобы нажать кнопку пуска.

Мужчина в чёрном пальто с планшетом в руках и женщина в строгом костюме, с наушником в ухе.

Ни тот ни другой не обернулись на звук приближающихся шагов.

— Кто вы? — без предисловий спросила Вера.

— Я представляю интересы заказчика, — повернулась женщина и произнесла почти на чистом русском, но с едва заметным китайским акцентом. — Мы хотим убедиться, что оборудование работает корректно.

— Алесь, в договоре тестовый запуск? — Вера шагнула вперёд. — Пункт про «убедиться»?

Алесь вышел из-за её плеча, но не успел ответить.

— Формально нет, — ответил мужчина в чёрном, не поднимая глаз от планшета. — Но мы имеем право на верификацию работоспособности оборудования.

— Сказано только про монтаж и установку, — перебил его Алесь. — Запуск не входит в договор. И я подчёркивал это отдельным пунктом соглашения.

— Но это техническая формальность, — удивлённо приподняла бровь женщина.

— Это моя формальность. Я заказывал монтаж. И я его получил. Дальше сугубо моя территория действий. Или вы лучше меня разбираетесь, как добыть необходимую информацию из «VanTech»?

Мужчина в пальто внимательно посмотрел на хакера.

— Мы вложили в это оборудование немалые деньги и имеем право...

— Вы имеете полное право забрать свои вещи и уехать прямо сейчас, — перебила его Вера.

— Нам необходимо остаться, — добавила женщина. — До завершения всех процедур запуска.

Алесь холодно усмехнулся.

— Это частная собственность мисс Пименовой. И вы находитесь здесь без уведомления владельца. Это незаконное проникновение.

— У нас есть разрешение на работу с оборудованием.

— Разрешение от кого? — Алесь шагнул навстречу. — Это Россия, госпожа. И здесь действуют российские законы. Я сомневаюсь, что ваш юрист захочет объяснять следователю ФСБ, почему представители иностранной компании находились на частном объекте без согласования с владельцем.

Слово «ФСБ» возымело действие. Мужчина напрягся, но женщина не дрогнула, хотя в её глазах мелькнула переоценка Алеся.

— Мисс Пименова, — обратилась она непосредственно к Вере. — Скажите своему партнёру, что он перегибает.

Вера достала телефон и показала экран. На нём было открыто приложение экстренного вызова с заранее набранным номером.

— У меня хорошие отношения с местными органами правопорядка, — сказала она спокойно. — Они знают, что посторонние на моей территории — это их проблема. Хотите проверить, как быстро они приедут?

Мужчина не раздумывая развернулся и первым направился к выходу. Женщина на мгновение задержалась, посмотрела на Веру оценивающим взглядом и последовала за своим партнёром.

Вера только сейчас заметила, что пальцы правой руки дрожат. Она сжала их в кулак, и ногти впились в ладонь.

Алесь подошёл к процессору и тщательно проверил индикаторы.

— Всё в порядке. Они не успели включить.

— Ты уверен?

— Внешние системы чистые. Но...

— Отойди.

Вера достала из кармана плоский прибор размером с телефон. Портативный сканер, собранный из списанных компонентов. На экране побежали строки данных.

Алесь смотрел на неё с удивлением.

— У тебя есть сканер?

— Когда я начала оборудовать серверы фермы, никто не понимал, что я здесь монтирую. Дело обычное. Поначалу мне здесь ставили жучки, которые я с помощью этого прибора и нашла, — не отрываясь от экрана, ответила Вера. — Именно поэтому у меня хорошие связи с местными силовиками. Кстати, собственная разработка. С электроникой я дружу с детства. В полиции потом у меня такие заказывали.

Она провела поверхностную диагностику. Внешние контуры оказались чистые — во всех диапазонах, которые прибор умел читать.

— Можно включать.

— Вера, — Алесь положил руку на панель процессора. — Подожди.

— Что не так? — Она посмотрела на него.

— Зачем они хотели запустить тестовый запуск? Да ещё и без нас. Может, заказчику нужно было получить сетевой след от работы процессора, и он хотел получить его до того, как мы сами запустимся?

Вера немного помолчала, собираясь с мыслями.

— Хорошее предположение. Тем более когда знаешь, кто заказчик, — сказала она.

— Да уж, — кивнул Алесь. — «Хуанхэ Дайнемикс» не прост.

— И ты всё равно хочешь взломать «Элизиум» на их железе?

— Я при любом раскладе хочу взломать «Элизиум». — Алесь посмотрел ей в глаза. — На чьём бы то ни было железе. И ещё: если я откажусь, они заберут процессор, и ты останешься без него.

Вера перевела взгляд на сканер. Строки данных продолжали бежать по экрану и показывали, что всё в норме.

— Тогда запускаем, — сказала она. — Но на первом этапе никаких подключений к внешним сетям, пока я не дам отмашку. Первое время процессор должен работать в полной изоляции от сети.

— Принято, — кивнул Алесь.

Вера убрала сканер в карман, подошла к верстаку в углу цеха и включила старый советский чайник с эмалированным корпусом, который помнил ещё деда. Пока вода закипала, она достала из шкафчика две кружки из старого, трофейного сервиза, тонкого фарфора девятнадцатого века, так же оставшегося от деда. Насыпала растворимый кофе, чайник щёлкнул, Вера залила кипятком обе кружки и, не глядя, протянула Алесю. А сама села на корточки перед распределительным щитом. Алесь опустился рядом. Пар поднимался к потолку.

— Щиток выдержит, — сказала Вера, проведя пальцем по клеммам. — Но контакты окислились. Дед ставил его в далёком семьдесят шестом. Надо бы протянуть.

Достала отвёртку и начала подтягивать винты. Алесь держал фонарик, направляя луч точно на её руки. Они двигались в тишине, нарушаемой только тихим скрежетом металла и далёким гулом трансформаторов за стеной.

Когда затянули последний винт, Вера вытерла руки о джинсы и встала.

Вера подошла к консоли процессора, положила ладонь на панель, закрыла глаза и прислушалась к собственному дыханию. И только когда внутренне настроилась, открыла глаза и нажала кнопку инициализации запуска.

Процессор загудел. Мигнули индикаторы, и тут же желудок сжался спазмом, закружилась голова, перед глазами поплыли серые пятна. Вера схватилась за стойку, чтобы не упасть. А по всему зданию пошла низкая вибрация.

— Стой! — крикнула она.

Но Алесь уже успел дотянуться до тумблера аварийного выключателя.

Процессор замолк, но вибрация в здании не исчезла, хотя тошнота отступила, оставив во рту привкус металла и дрожь в коленях.

Алесь подошёл к Вере, подхватил её под локоть и усадил на единственный в цеху стул с потёртой обивкой, который стоял у верстака.

— Сиди. Не двигайся.

Он достал из холодильника бутылку воды, открутил крышку и протянул ей. Руки всё ещё дрожали, и Вера сделала глоток. Алесь постоял рядом, пока не убедился, что она дышит спокойно и цвет лица возвращается к нормальному. Только потом повернулся к консоли. Опустился на корточки перед системным блоком, открыл боковую панель и начал методично осматривать каждый контур. Провёл пальцами по соединениям, проверяя плотность контактов. Достал мультиметр, замерил напряжение на каждой шине. Подключил диагностический кабель к сервисному порту и запустил полный цикл тестирования памяти, квантовой когерентности, температурных датчиков, криогенной петли.

На экране побежали строки. Алесь читал, не пропуская ни одной, переключился на журнал событий, пролистал весь лог. Сравнил показания датчиков с эталонными значениями из инструкции.

Прошло двадцать минут. Вера сидела на стуле, прикрыв глаза, и слушала тишину бункера. Тихая, настойчивая вибрация никуда не делась.

Алесь закрыл панель системного блока, встал и вернулся к Вере.

— Железо исправно. — Голос был спокойным, но в глазах была растерянность. — Все параметры в норме. Скачков напряжения не было. Криогеника стабильна. Когерентность кубитов в пределах допуска. Система работает идеально.

Он замолчал. Посмотрел на стены, потом на неё.

— Это не железо, Вера. Это что-то другое.

— Тогда почему меня тошнит?

Алесь смотрел на монитор, где пульсировала синусоида остаточного сигнала.

— Потому что... — сказал он тихо. — Это внешний резонанс.

Они надеялись, что справятся с проблемой быстро.

Но всё оказалось намного сложнее. Квантовый процессор работал лишь на малую часть мощности. Каждая попытка выхода на полную нагрузку заканчивалась нарастанием вибрации. У Веры начиналась физическая тошнота и панические атаки, Алеся начинали мучить головные боли.

С момента первого запуска они каждый день слышали альфа-ритм. Восемь-двенадцать герц. Тот самый, который Савельев впервые зафиксировал на берегу карельского болота в 1974 году. Молодые люди не знали, что бункер спроектирован как часть конструкции проекта «Ларь» и является специально продуманным резонатором. При любой попытке выхода на полную мощность процессор ловил внешнюю вибрацию, разрушающую квантовую когерентность.

Потратив уйму времени и испробовав разные настройки, они пришли к выводу, что процессору нужен промежуточный фильтр, который примет на себя хаотичный резонанс и преобразует его в стабильную структуру, с которой сверхпроводящий контур сможет работать без потери когерентности. Решили собрать адаптер — согласующее звено между частотой, которую излучает бункер, и способностью процессора работать на полную мощность.

Первое время «Хуанхэ Дайнемикс» давила сильно. Зашифрованные сообщения приходили ежедневно. Требовали отчёты, видеоподтверждения прогресса, удалённый доступ к диагностическим портам процессора. Китайцы угрожали разрывом контракта, штрафами, изъятием оборудования. Алесь отправлял только сухие логи калибровки и одну фразу: «Оборудование нестабильно. Форсирование приведёт к необратимой потере когерентности. Требуется изолированная настройка». Потому что знал: они не заберут процессор, второго такого, как он, нет. Со временем «Хуанхэ» приняла условия Алеся: тон сменился с требовательного на выжидательный. А на четвёртый месяц давление полностью ослабло.

Шэньчжэнь. Штаб-квартира «Хуанхэ Дайнемикс».

Чэнь Вэймин через чип слежения, встроенный в корпус процессора, видел паразитный сигнал и всю телеметрию, которая напрямую поступала в Шэньчжэнь. Китайцы знали, что хакер и женщина в бункере не бездельничают. Они видели, как те день за днём перебирают конфигурации, останавливают запуск и снова пробуют.

Чэнь Вэймин понимал, что это не саботаж. И не техническая проблема процессора. Помехи были структурированы и работали в ритме, который не мог породить сверхпроводящий контур.

«Вероятность высока: наши аналитики оказались правы, и бункер Пименовой — одна из конструкций советского проекта Ларь, — написал он в отчёте для Пекина. — Объект генерирует поле неизвестной природы. Хакер пытается его подавить. Мы должны позволить ему продолжить. Настройка адаптера — единственный способ вывести наши поиски на уровень перехвата данных».

Задача взлома «Элизиума» имела значение, но была лишь прикрытием. Настоящей целью был «Ларь». И теперь, когда Алесь и Вера вслепую строили мост между современным процессором и древним резонатором, китайцы получили то, чего не смогли бы добиться силой, — возможность услышать «Ларь», не привлекая к себе внимания. Им оставалось только ждать.

А потом китайцам стало не до слежения за ходом работы процессора: началась серия аварий на головных предприятиях.

Сначала взорвалась линия сборки квантовых модулей в Гуанчжоу. Официальная причина — скачок напряжения. Через неделю отказала система охлаждения серверной фермы в Шэньчжэне. Три тысячи стоек перегрелись и вышли из строя. Расследование показало, что прошивка контроллеров охлаждения была удалённо перепрошита на идентичную, но с внедрённым таймером отказа. Подпись кода вела к VanTech Systems.

Необъяснимый сбой в цепочке поставок редкоземельных металлов из Мьянмы. Три корабля застряли в порту Янгона из-за «технических проблем» с таможенным оформлением. Задержки затянулись, и производство микрочипов пришлось остановить на несколько месяцев.

Чэнь Вэймин знал, что это не случайности: VanTech Systems, точнее Эрик Вэнс лично, нанял лучших диверсантов, чтобы парализовать стремительное развитие конкурента. Удары были точными, дорогими и сложно отслеживаемыми. Каждая авария выглядела как технический сбой, но вместе они складывались в картину целенаправленной войны на истощение.

Пока «Хуанхэ» тушила пожары на своих заводах, восстанавливала поставки и искала утечки, у корпорации не осталось ресурсов для внешнего контроля. Чип слежения, встроенный в процессор, продолжал передавать данные. Линь Юй видела, как меняется нагрузка. Видела, как появляются новые слои кода, которых не было в оригинальной документации. Видела, как стабилизация растёт.

Она не понимала, что это за код и зачем он нужен. Из докладов Чэнь Вэймину следовало: «Они работают. Медленно. Но прогресс заметен».

Война корпораций за рынки влияния заняла почти четыре года.

Тупик, в который уперлись два самых мощных технологических гиганта планеты.

«Хуанхэ Дайнемикс» создала модуль хранения личности, способный удерживать сложнейшую нейронную структуру в состоянии сверхпроводимости. Инженеры компании решили проблему физической стабильности на уровне субатомных частиц. Чип мог хранить «душу» вечно, не давая ей распасться на шум. Но у них не было алгоритма переноса. Той самой «нити Ариадны», которая позволяла сознанию покинуть биологический мозг и войти в квантовую решётку чипа, не потеряв связность и сохранив личность.

Без протоколов Лили Вэнс их совершенные контейнеры были просто бесполезными дорогими кристаллами. Они умели хранить информацию, но у компании отсутствовала технология считывания и переноса данных.

У «VanTech Systems» была обратная проблема. Лили написала архитектуру переноса, знала, как обмануть защитные механизмы мозга и упаковать личность в поток данных. Но у неё не было носителя. Нейронная сеть аватара начинала «шуметь», личность размывалась, превращаясь в цифровой психоз.

Обе компании знали об этом. И обе ненавидели друг друга за это знание.

Четыре года Лили жила в режиме перманентного кризиса. Каждый день начинался с проверки отчёта об ошибках. Кофе остывал, пока она смотрела на красные строки логов, означавшие очередную деградацию личности в цифровом контейнере.

Единственный безотказно работающий аватар был собран на чипе, который три года назад украли из самого сердца сверхсекретной лаборатории «Хуанхэ Дайнемикс» в Шэньчжэне. Операция, стоившая жизни трём полевым агентам VanTech и обошедшаяся корпорации в четыреста миллионов долларов, позволила вывезти из Китая чип размером с ноготь мизинца.

Только на нём перенос сознания работал идеально. Целостность сохранялась при любом количестве циклов загрузки-выгрузки. Личность человека, помещённая в физический аватар, оставалась со всеми воспоминаниями и характером. Она не распадалась на набор алгоритмов через неделю.

VanTech потратила два миллиарда долларов и три года на реверс-инжиниринг украденного образца. Им удалось создать аналог. Технически он выполнял все те же функции. Когерентность кубитов, скорость операций, энергопотребление совпадали с оригиналом до девятого знака после запятой.

Но при первом же повторном переносе сознания аналог давал сбой.

И Лили Вэнс была единственным человеком в мире, который зн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.